

Шан Пинган не слышал разговора Мэн Вэйаня и Хань Цзя в соседней ложе, как и Мэн Вэйань не мог слышать того, что происходило у Шан Пингана.

Когда аукцион начался, Мэн Вэйань сказал Хань Цзя:

— Мы нечасто бываем на таких мероприятиях. Если приглядишь что-нибудь, скажи мне — я куплю это для тебя.

— У меня есть свои деньги.

— Свои сбережения побереги на приданое, а мои всё равно девать некуда.

— Я не собираюсь выходить замуж.

— Лянь Се питает к тебе чувства. Ты правда не хочешь присмотреться к нему?

Мэн Вэйань произнес это, глядя на арену, будто невзначай. Однако Хань Цзя не осмелилась расслабиться.

— Моя жизнь принадлежит тебе. Если бы не ты, я бы давно была мертва.

Мэн Вэйань не ответил, лишь обратился к микрофону:

— Тридцать миллионов.

Хань Цзя посмотрела вниз: на торги выставили ночную жемчужину. Она была размером с куриное яйцо, прозрачная, с зеленоватым отливом, который мягко мерцал даже при дневном свете. В зале посыпались новые ставки, и цена быстро дошла до пятидесяти миллионов.

Мэн Вэйань снова подал голос:

— Восемьдесят миллионов.

Больше никто не решился повышать ставку. Жемчужина досталась Мэн Вэйаню. Вскоре сотрудник аукционного дома принес лот в ложу. После того как Мэн Вэйань оплатил покупку, он протянул жемчужину Хань Цзя:

— Забирай себе.

Мэн Вэйань всегда отличался непредсказуемостью, поэтому Хань Цзя не стала спорить и приняла подарок. Когда сотрудник ушел, Мэн Вэйань добавил:

— Мы знакомы уже столько лет, ты — тот человек, которому я доверяю больше всех. Не будь такой скованной со мной.

Хань Цзя промолчала. Мэн Вэйань действительно доверял ей и считал своей, но у этого доверия была причина: абсолютная преданность Хань Цзя. Стоило ей хотя бы раз солгать, и доверие исчезло бы навсегда. Характер Мэн Вэйаня сформировался под давлением

обстоятельств: он рос под постоянным присмотром и выжил лишь благодаря своей расчетливости. В таком мире доверять кому-то было почти невозможно. Даже глава секты Исянь не пользовался его стопроцентным доверием, так что положение Хань Цзя было поистине уникальным.

В соседней ложе, после того как Мэн Вэйань забрал жемчужину, Бай Ху не выдержал и проворчал:

— Ну и богатенький же он!

Цин Лун даже не удостоил его ответом. Секта Исянь, может, и не славилась чем-то другим, но денег у них было хоть отбавляй. Пару дней назад старейшина Юй взял тридцать миллионов только за противоядие от крючка. Причем старейшина особо подчеркнул: это уникальный состав главы Вэня, и цена установлена им же, причем половина суммы идет в казну секты, а половина — лично в карман главы. А за консультацию денег не взяли — только из уважения к Шан Пингану.

Тридцать миллионов за таблетку, и при этом еще делать вид, что они оказали услугу, не взяв плату за осмотр! Впрочем, даже если бы глава Вэнь затребовал триста миллионов, Шан Пинган был бы вынужден заплатить. Это же вопрос жизни и смерти.

Раньше секта Исянь была другой. При прежнем главе они брали за лечение скромные суммы, а цены на лекарства зависели от стоимости сырья. Теперь же, после прихода главы Вэня, в лавке продавали лишь обычные травы, а всё ценное уходило с аукционов. Особенно это касалось эликсиров для поддержания здоровья, которые уходили с молотка за десятки миллионов. Аргумент главы Вэня был прост: мои лекарства работают лучше всех, не хотите — не берите. И надо признать, эффект у них был действительно поразительный.

Услышав о покупке Мэн Вэйаня, Шан Пинган вспомнил о жемчужинах, которые достались ему от бабушки. В его коллекции было больше двадцати таких камней, ничуть не уступающих той, что только что продали. Шан Пинган планировал использовать их, чтобы расположить к себе Мэн Вэйаня, но семейные реликвии имели слишком большое значение, чтобы ими разбрасываться.

— Лучше просто заплачу деньгами, — решил он. — Сколько бы глава Вэнь ни попросил.

Последним лотом стала жемчужина морского духа. Издалека она была неотличима от обычного элитного жемчуга, и Мэн Вэйань не был уверен в подлинности. Однако это не помешало толпе разогнать цену до двухсот миллионов. Мэн Вэйань уже раздумывал, стоит ли вступать в игру, как вдруг Шан Пинган выкрикнул:

— Пятьсот миллионов!

Все в зале знали, что в первой ложе сидит Шан Пинган, поэтому, услышав его ставку,

конкуренты притихли. Но Мэн Вэйань не собирался отступать.

— Миллиард, — спокойно произнес он.

По залу пронесся гул. Все начали оборачиваться в сторону третьей ложи, но за зеркальным стеклом ничего нельзя было рассмотреть. Кто осмелился бросить вызов Шан Пингану? Скорее всего, кто-то из четырех великих семейств.

Бай Ху, услышав ставку в миллиард, выругался сквозь зубы. Шан Пинган же оставался невозмутимым. Когда они встретились с Вэнь Цю в первый раз, тот сразу отрезал, что его интересует только яд, а не выполнение заданий. Такой человек явно не отличался мягким нравом. Шан Пинган понимал, что Вэнь Цю специально взвинчивает цену.

— Один миллиард двести миллионов, — сказал Шан Пинган.

— Полтора миллиарда.

— Два миллиарда.

В зале стоял шум: два миллиарда! Такое могли позволить себе лишь Шан Пинган да наследники четырех семейств. Зрители сгорали от любопытства: кто же этот смельчак в третьей ложе?

Мэн Вэйань больше не повышал ставку. Два миллиарда были пределом Шан Пингана, а у самого Мэн Вэйаня на руках не было столько наличных. Зрители даже немного разочаровались. Неужели всё? Похоже, даже в великих семействах мало кто мог сравниться с богатством Шан Пингана. И правда, у того был единственный наследник, собравший всё состояние предков в своих руках.

В ложе Хань Цзя спросила:

— Уходим?

— Пока нет. Открой дверь и посмотри.

Хань Цзя приоткрыла дверь, и на пороге показались люди с оружием за поясами. Впереди стоял Бай Ху, сверля ее яростным взглядом. Всё из-за этого упрямого главы Вэня, из-за него молодой господин переплатил больше миллиарда! Хань Цзя захлопнула дверь и обернулась к Мэн Вэйаню:

— Они пришли с разборками?

— Нет, они пришли просить о лечении.

Раз Шан Пинган выложил два миллиарда за жемчужину, значит, больной ему очень дорог. А раз он знает, что только Мэн Вэйань может раскрыть потенциал этой жемчужины, он обязательно придет просить помощи. Хань Цзя инстинктивно встала перед Мэн Вэйанем, когда

в дверь постучали.

— Входите, — отозвался Мэн Вэйань.

Шан Пинган вошел и увидел перед собой всё ту же Хань Цзя, преграждающую путь. Он не стал приближаться.

— Глава Вэнь, я хочу попросить вас помочь моей бабушке поправить здоровье.

— А жемчужина?

Шан Пинган передал шкатулку Хань Цзя. Она приняла ее и поставила на стол. В этот момент Шан Пинган мельком увидел лицо Мэн Вэйаня, скрытое маской. Мэн Вэйань открыл шкатулку, и оттуда тут же хлынула чистая энергия. Она настоящая! Жемчужина морского духа была не просто украшением — это было сердце существа, его источник жизни.

Мэн Вэйань захлопнул крышку:

— Это подлинник.

— Я знаю. Поэтому и прошу вас заняться лечением.

— Мои услуги стоят дорого.

— Называйте цену.

— Один миллиард.

Это было меньше, чем ожидал Шан Пинган. Но прежде чем он успел согласиться, Мэн Вэйань добавил:

— Миллиард — это только за осмотр. За изготовление лекарства — еще два миллиарда.

Бай Ху не сдержался:

— Да ты грабитель!

Никто не обратил на него внимания. Шан Пинган коротко кивнул:

— Хорошо.

Мэн Вэйань продолжил:

— Вы же знаете, в секте Исянь никто не знает, кто я такой на самом деле. Поэтому место приема выбираю я. Привезете бабушку сами.

Шан Пинган не удивился такому условию:

— Моя бабушка в преклонном возрасте, я не хочу ее утомлять. Можно провести осмотр в

Аньду?

Мэн Вэйань легко согласился:

— Можно. Оставьте свои контакты, я сообщу вам, когда всё будет готово.

<http://bllate.org/book/21264/2154053>